УДК 316.7

Сомкин А. А.,
доктор философских наук,
Научный исследовательский
Мордовский государственный университет
(Саранск, Российская Федерация)

СОЦИОПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРОЦЕНТРИСТСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В СИСТЕМНО-ЦЕЛОСТНОМ ИЗУЧЕНИИ СОЦИУМА: PRO ET CONTRA СОВРЕМЕННОЙ ГУМАНИТАРНОЙ ИНТЕГРАТИВНОЙ ПАРАДИГМЫ

В настоящее время вопросы системно-целостного исследования общества неразрывно связаны с проблемой интеграции наук. Уже в середине прошлого века необходимость комплексного изучения таких социальных феноменов как личность и социум была осознана как первостепенная задача. Вот характерное наблюдение, сделанное ещё С. Л. Франком: “Современное сознание в отличие от античного – до самых последних своих корней проникнуто глубочайшей *двойственностью*: двойственностью между миром природы и миром культуры” [33, 201] (курсив наш – *А. С.*). Именно под знаком этого раскола и осуществлялись поиски новых путей формирования общественных наук на протяжении всего XX столетия.

Сложность изучения таких объектов как общество обусловлено, прежде всего, спецификой самого *предмета* и *методов* исследования [6, 74–75; 28, 12], среди которых можно выделить ряд ключевых:

– объектом познания выступает *единство* материального и идеального, объективного и субъективного (напр., *человек* как субъект общественных отношений является не только живым организмом, материальным субстратом социального, но и обладает сознанием (идеальным));

– *объект познания совпадает с субъектом* (человек сам творит свою историю и сам же её познает);

– социально-гуманитарное познание имеет дело с законами, которые носят *вероятностный*, статистический характер (т.е. задача познающего обнаружить за бесконечным многообразием социальных сил, действующих в обществе некую вероятностно-статистическую тенденцию, показывающую направленность исторического процесса);

– связано с *индивидуализированным* объектом (каждый человек уникален и единичен, неповторимы исторические события);

– носит *диалоговый* характер (логико-критический анализ различных позиций и точек зрения позволяет в диалоге сопоставить и столкнуть гипотезы и суждения и вывести концептуально более обоснованное и логически непротиворечивое знание);

– имеет гетерогенный характер (существуют разные виды социального познания: социально-философское, социологическое, экономическое, политологическое, историческое и др. Они неодинаково отражают социальную действительность);

– преимущественно занимается изучением качественных сторон исследуемых объектов. Поскольку социальные объекты носят индивидуализированный, во многих

случаях уникальный и неповторимый характер, трудно поддаются обобщению, то и исследуются они главным образом со стороны *качества*, *сущности*;

– связано с определенной *системой ценностей* (аксиологический аспект);

– носит *абстрактный* характер (здесь исключительно велика роль мышления, его форм, принципов и методов).

Таким образом, основное отличие социогуманитарных дисциплин от естественнонаучных заключается в направленности первых на раскрытие **внутреннего духовного мира** при изучении человека и социума. Эта ориентация реализуется (в противоположность естественнонаучному анализу природных фактов) посредством особого *герменевтического* метода. "Гуманитарные науки, – писал выдающийся мыслитель М. М. Бахтин, – науки о человеке в его специфике, а не о безгласной вещи в естественном явлении. Человек в его человеческой специфике всегда выражает себя (говорит), т.е. создает текст (хотя бы и потенциально). Там, где человек изучается вне текста и независимо от него, это уже не гуманитарные науки (анатомия и физиология и др.)" [4, 477–478]. Следовательно, текст, заключает он, есть "первичная данность (реальность) и исходная точка всякой гуманитарной дисциплины" [там же, 484]. В качестве такого текста могут выступать: устная или письменная речь, мимика человека, танец, песня, художественное произведение, научная монография или историческое событие. Каждая историческая эпоха рождает возможность и потребность нового прочтения известных текстов. Новое вносит и индивид, их познающий и ведущий с ними свой "внутренний" диалог. Этот диалог потенциально никогда не может быть завершён.

Важность диалога в социогуманитарных исследованиях трудно переоценить. "Не будет преувеличением сказать, – отмечают в своей работе А. М. Коршунов и В. В. Мантатов, – что логика диалога во многом заменяет эксперимент в гуманитарных науках. Здесь проходят как бы испытание на научную объективность гипотезы и суждения в процессе их столкновения и взаимообоснования, диалектического выявления и конструктивного преодоления противоречий познания" [14, 64].

Однако, на наш взгляд, абсолютное противопоставление социогуманитарного познания точным наукам неправомерно. Дело в том, что наука есть целостная динамическая система, имеющая свою сложную структуру (В. А. Лекторский [18], В. Н. Порус [24], В. С. Стёпин [29] и др.). Её развитие проявляется как преобладание в определенный временнóй период тенденций к интеграции или дифференциации связей между элементами (отдельными дисциплинами). Специфика интегративных процессов прошлого состояла в том, что они носили главным образом "региональный" характер, т.е. имели место в пределах естествознания и обществоведения. Сегодня ситуация меняется в направлении деструктурирования тех оснований, по которым проводился непреодолимый раздел между "науками о природе" и "науками о духе" в начале XX столетия.

Одним из факторов, способствующих усилению интеграции в современную эпоху, по мнению В. П. Кохановского, является, произошедший в естествознании, концептуально-методологический сдвиг. Формируется новое – "*организмическое*" *видение* (понимание) человека и природы, причём "последняя всё чаще

рассматривается <…> как целостный живой организм. …Всё более укрепляется идея взаимосвязи и гармоничного отношения между людьми, человеком и природой, составляющими единое целое” [15, 368–369].

Очень точно эту ситуацию охарактеризовал один из создателей синергетики И. Пригожин: “Рост науки не имеет ничего общего с равномерным развертыванием научных дисциплин, каждая из которых в свою очередь подразделяется на всё бóльшее число водонепроницаемых отсеков. Наоборот, конвергенция различных проблем и точек зрения способствует разгерметизации образовавшихся отсеков и закутков и эффективному "перемешиванию" научной культуры” [25, 257].

Кроме того, следует учесть и то, что выделение предмета той или иной науки не является жёстким, абсолютно отгороженным от пограничных областей. Особенно наглядно это обнаруживается в социогуманитарном познании. Ведь каждая наука, так или иначе “выходит” на проблемы человека, его возможностей, творчества, различных аспектов его общественной жизни (политика, экономика, искусство и т.д.). По словам В. В. Ильина и А. Т. Калинкина, “все науки *гуманитарны* в том смысле, что "замкнуты" на человека: они порождены в процессе практической деятельности и результаты их ценны лишь постольку, поскольку находят… применение в практике человека. В этом смысле естественные, общественные, технические и собственно гуманитарные науки – это науки о человеке” [8, 172–173] (курсив наш – *А. С.*).

Иными словами, “в лимитах своего академического амплуа естественник и гуманитарий едят одно блюдо, хотя с разных концов и разными ложками” [9, 22]. Поэтому оба подхода (естественнонаучный и социогуманитарный) “могут быть рассмотрены как взаимодополняющие и представляющие собой разные уровни научных экспертиз, анализирующих объективные условия и субъективные способности их освоения” [32,76].

Необходимость интегративного взаимодействия общественных и естественных наук сегодня обусловлена целым рядом факторов, определяющий из которых связан с задачей *научно обоснованного* и *контролируемого воздействия на социальные процессы с целью управления ими*. Дело в том, что для такого воздействия требуется качественно новый уровень интеграции знаний, причем, их использование в управленческо-прикладных целях делает неизбежным сближение с техническими науками не только естествознания, как это было прежде, но в равной мере и обществоведения.

При этом всё бóльшее распространение получает новая социогуманитарная (культуроцентристская) исследовательская парадигма. Её основы были заложены в середине XIX – в первой половине XX веков усилиями представителей философии жизни (В. Дильтей), баденской школы неокантианства (В. Виндельбанд, Г. Риккерт), а также М. Вебера, Э. Дюркгейма, Г. Зиммеля и др.

Среди причин, способствующих её возникновению можно выделить ряд основных.

1. *Изменение предмета исследования* (в самом широком смысле), т.е. современной социальной действительности, усиление её динамизма,

противоречивости, взаимозависимости отдельных её сторон, связей и отношений, требующее новой интерпретации (напр., концепция информационного общества).

2. *Старение предшествующей парадигмы* социально-гуманитарной методологии, её несоответствие новой социально-исторической реальности и недостаточность для выражения новых закономерностей. Традиционные науки не дают необходимых знаний. Объясняется это, прежде всего, сложным, синтетическим (комплексным) характером социальной деятельности и аналитическим ("абстрактным") характером традиционных научных дисциплин.

3. *Развитие науки в целом* и отдельных научных дисциплин, широкое внедрение науки во все сферы общественной жизни (особенно синергетики), включение в научный оборот новых литературных источников. Однако этот процесс продолжает носить изоляционистский характер. Приёмы и способы мышления, новая техника и методы, созданные в одном предмете, не распространяются на другие.

4. *Существование узкоспециализированных каналов трансляции дифференцированной предметной культуры* (напр., внедрение в довузовскую систему образования специализированных классов и даже школ).

5. Возрастание *потребности в практической (эффективной организационно-управленческой) направленности* социально-гуманитарных наук с целью внедрения их рекомендаций в различные сферы общества.

6. Наука оказалась фактором *отчуждения* человека. Познание, идеалом которого стала объективность знания (рационализм), существующего вне и независимо от человека, привело к овеществлению (реификации) социальной действительности и породило отчуждение социальных явлений от самого человека. За обществом закрепляется качество независимой от человека объективности (вещи). Сам человек в своей деятельности парадоксальным образом приходит к тому, что создает реальность, которая его же и отрицает.

Все эти моменты обусловливают специфику современной социокультурной ситуации и ведут, по мнению многих исследователей (Р. М. Нугаев [23], В. Г. Федотова [31] и др.), к необходимости построения новой **социально-гуманитарной парадигмы**, чьи общие контуры можно свести к следующим пунктам.

1. *Интеграция естественных и социогуманитарных наук на основе их методологического взаимодополнения* (сближение и взаимодействие противоположных концептуально-методологических подходов – рациональных и нерациональных, научных и вненаучных, тесная связь теоретических описаний и обыденных представлений и т.д., в рамках системно-целостного подхода).

2. Широкое *внедрение в процесс познания аппарата герменевтики*, культурологии, понимающих методик, наравне с объяснением (а не вытеснение последнего из гуманитарной сферы).

3. Активное *применение в социальном познании идей синергетики*, *системности (системный подход)*, *целостности* и т.д. – рассмотрение главных объектов гуманитарного исследования (личность и общество) как сложных, многоуровневых, противоречивых целостных систем.

4. Акцентирование внимания на *взаимосвязи субъекта* и *исследуемого гуманитарными науками объекта*, т.е. поворот к конкретному индивиду.

5. *Смена парадигм ценностного мышления в направлении приоритета общечеловеческих гуманистических ценностей*, признания прав, свободы и достоинства каждой личности. Формирование новых ориентиров человеческой деятельности (инновационность, оригинальность, нестандартность и др.).

6. *Практическая направленность* социально-гуманитарного познания.

7. Ориентация на разработку концепции "*целостной личности*" и "*органичного социума*" в их взаимосвязи и единстве природного, социального и духовного компонентов.

В настоящее время насчитывают около двухсот человековедческих дисциплин, включая: *науки о человеке как биологическом виде* (приматология, антропология, палеосоциология, палеолингвистика, генетика популяций, биохимия человека и др.); *науки о человечестве* (социология, экономика, демография, этнография, политология, культурология и др.); *науки о взаимодействии человека с природой*, *о ноосфере и освоении космоса* (общая и социальная экология, биогеохимия, натурсоциология, космическая медицина, космическая психология, международное право и др.); *науки о личности* или *персоналистика* (социальная психология, педагогика, этика, эстетика, языкознание, психология отношений); *науки об онтогенетике человека* (онтопсихофизиология, эмбриология человека, возрастная психология, акмеология, геронтология, биографика, валеология, танатология); *науки о человеке как субъекте теоретической и практической деятельности* (генетическая психология, эпистемология, эргономика, инженерная психология, семиотика, эвристика, футурология и др.). Такая глубокая специализация заставила всерьёз обратиться к идее создания единой науки о человеке. И хотя в настоящее время известны интересные попытки предложить в качестве основного инструмента формирования соответствующей предметной области понятие человека как *космобиопсихосоциального* существа (В. П. Казначеев и Е. А. Спирин [10]), все они остаются пока на уровне слишком общих соображений или получают разработку в специфических аспектных направлениях.

Сегодня вопрос о конкретных путях и формах интеграции чрезвычайно разветвлённого и гетерогенного материала частных наук о человеке в рамках некоторой обобщённой концепции решается в рамках двух ведущих направлений.

Первое заключается в использовании какого-либо *общенаучного подхода*, с самого начала ориентированного на комплексную проблематику и исследование целостных (в том числе социальных) систем и несущего в своём содержании методологические установки. В современной науке на роль такого стратегического ориентира претендует *системно-целостный подход* (В. Г. Афанасьев [3], Л. фон Берталанфи [37], И. В. Блауберг [5], Д. М. Гвишиани [7], А. И. Уёмов [30], К. М. Чёчман [38], Г. Клир [39; 40], С. Ньюман [43] и др.).

Второе направление размышлений в этой области связано с выдвижением той или иной *научной дисциплины в качестве стержневой при интеграции* данных других наук и организации комплексных междисциплинарных исследований проблемы

человека. В качестве таковой часто предлагается *психология* (К. А. Абульханова-Славская [1], Л. И. Анциферова [2], Б. Ф. Ломов [19], В. С. Мерлин [21], С. Л. Рубинштейн [26], К. Роджерс [44] и др.).

Решающим для выдвижения психологии на такую роль служит утверждение о том, что социальные явления не могут быть раскрыты полно без привлечения знаний о механизмах индивидуального и группового поведения людей, закономерностях формирования стереотипов, привычек, без изучения настроений, чувств, психологических свойств и особенностей личности, её способностей, мотивов, характера, межличностных отношений и т.д. Однако при этом упускается из виду то, что психологические факторы сами по себе не определяют социальных процессов. Напротив, они сами могут быть поняты только на основе анализа этих процессов, поскольку основные виды психической деятельности человека возникают в рамках общественной системы и протекают в условиях сложившейся предметной деятельности и ценностных установок.

Таким образом, декларируемый психологами комплексный подход к изучению личности сводится, либо к построению конструкций на основе редукционистских установок (напр., психодинамическая теория личности З. Фрейда, индивидуальная теория личности А. Адлера, психосоциальная концепция Э. Эриксона и др.), либо к набору отдельных свойств психики личности, не отражающих действительно определяющих её компонентов и тем более их системы (напр., теория типов Г. Азейнка, психологические типологии Р. Зиллера, Д. Кейрси и др.), либо к реализации некоторых общих исходных установок в раскрытии сущности личности (напр., гуманистическая психология – А. Маслоу, К. Роджерс, Ш. Бюллер и др.).

Ещё одной наукой, претендующей на роль интегратора и методологического фундамента для социогуманитарных дисциплин, предлагается *социология* (В. А. Ядов [35], Р. Мертон [42] и др.), отводящая первостепенное значение социологическим средствам в объяснении закономерностей общественного развития на основе эмпирических методов познания действительности. При анализе социальных процессов социологами используются количественные методы с применением математических процедур, в том числе теории вероятности, с опорой на достижения статистики, демографии, психологии и т.д.

Однако подобный социологизм совершенно не оправдан. Трактовка общества как исключительно автономной надыиндивидуальной реальности представляется не обоснованной. А позитивистская ориентация в её познании имеет успех только в рамках конкретных прикладных социологических исследованиях и не способна достичь уровня общетеоретических обобщений.

Решительную заявку на то, чтобы стать объединяющей основой всего комплекса наук о человеке, обществе и культуре сделала современная *биология* (А. М. Каримский [11], Р. С. Карпинская, С. А. Никольский [12], К. Лоренц [20], А. Розенберг [45], Р. Сэттлер [46], Э. О. Уилсон [47] и др.). Определяя подходы к “единой науке о человеке”, социобиологи пытаются избежать как установок социал-дарвинизма, так и крайностей вульгаризаторских концепций “социологического детерминизма”. Основная задача нового направления состоит в изучении

биологических основ социального поведения, под которым подразумеваются те его формы, что порождены существованием живых организмов в сообществах и направлены на их сохранение и процветание. Согласно такой точке зрения, все гуманитарные и социальные науки оказываются всего лишь специализированными разделами биологии, а история и художественная литература – лишь способами исследования поведения человека как биологического вида.

Попытка примирить полярные подходы в изучении личности и общества на естественнонаучной базе привела к редукционизму в понимании их сущности. Поставив целый ряд философских вопросов (о природе человека и его происхождении, о социальном характере его поведения, о соотношении физиологического и психического и т.д.), они продолжают мыслить при их решении как естествоиспытатели. Пытаясь согласовать данные генетики, экологии, этологии и эволюционной теории с тем, чтобы осуществить их интеграцию с социогуманитарным знанием, сторонники этой концепции ставят последнее в прямую зависимость от “биологических основ”, забывая, что в понимании явлений социосферы невозможно использовать методы, выработанные для изучения неодушевленной природы.

С другой стороны, не менее значимы претензии *антропологии* на роль объединительного стержня всего человековедения в том смысле, который придают ей в англоязычной литературе. Как писал К. Леви-Стросс, “в англосаксонских странах антропология ставит перед собой цель познать человека вообще, охватывая этот вопрос во всей его исторической и географической полноте” [17, 314–315].

При этом эвристический потенциал данной науки изначально ограничен самим предметом познания: происхождение и сущность человека, соотношение в нем биологического и социального, место человека в окружающем мире и т.п. Как следствие за рамками анализа остаются такие ключевые вопросы как сущность личности, специфика её структуры, проблема её взаимосвязи с социальными группами и обществом в целом.

Следует также обратить внимание на интересное и до сих пор по достоинству не оценённое предложение Р. Якобсона рассматривать в качестве парадигмы единой науки о человеке *лингвистику*. По его мнению, “…проблемы взаимосвязей наук о человеке сконцентрированы вокруг лингвистики. Этот факт объясняется, прежде всего, исключительно регулярной и замкнутой структурированностью языка и той важной ролью, которую он играет в культуре; с другой стороны, как антропологи, так и психологи признают, что лингвистика является наиболее продвинутой и точной наукой о человеке и, следовательно, является методологической моделью для остальных смежных наук” [36, 370].

Данное утверждение основывается на исключительной роли языка как средства, обеспечивающего связанность и функционирование социальных систем и их элементов как единого целого. Существуют социально-философские концепции, определяющие общество с точки зрения коммуникативных процессов (Н. Луман). Однако эти теории мало что дают для понимания глубинных взаимосвязей личности и общества, особенностей тех смыслов, которые выражаются в языке и поддерживают целостность системы. Поэтому, несмотря на важность учета коммуникативно-

информационного аспекта в жизнедеятельности социума, приходится констатировать его ограниченность в качестве исходного принципа исследования.

Признавая правомочность отмеченных выше направлений сближения наук о человеке и необходимость дальнейшего обсуждения выдвинутых в ходе их реализации конкретных предложений, мы считаем, что роль интегратора современных социогуманитарных наук принадлежит **социальной философии**.

Если философское знание в целом характеризуется как общий взгляд на мир и место человека в нем, то социальная философия изучает социальное бытие в единстве всех его связей, опираясь не на отдельный научный критерий, а на их совокупность. Она "рассматривает общество в его целостности, системности, в качестве интегрального образования, которое не сводится к простой сумме входящих в него элементов" [28, 5]. Ключевая цель этой науки – "ответить на вопросы о том, что мы пониманием под обществом, чем оно является, почему и как оно существует в мире, каковы условия, механизмы и формы его реального исторического бытия" [22, 71], а также раскрыть проблему происхождения, сущности и предназначения человека.

Следовательно, вполне логично, что задачу решения синтеза научного, в том числе социально-гуманитарного, знания вновь взяла на себя философия. Это подчеркивается многими авторами (В. Е. Кемеров [13], В. П. Кохановский [15], А. С. Кучерук [16], В. А. Лекторский [18], И. Т. Фролов [34] и др.).

Учитывая вышесказанное, можно определить **методологическую значимость** социальной философии для социально-гуманитарных наук. Она заключается в следующем:

1) в *универсальности категориального аппарата* (его применимости в любых частных науках на основе максимальной обобщенности понятий). К ним относятся такие понятия как "человек", "личность", "общество", "эпоха" и др. Затем эти понятия конкретизируются в частных науках;

2) в *системно-целостном подходе* к ключевым объектам познания – *личности и обществу*. То есть она представляет личность и социум как целостные взаимосвязанные системы с особыми интегративными качествами. В то время как частные науки дают нам фрагментарные и односторонние знания о них;

3) в *комплексном подходе*, т.е. социальная философия объединяет усилия разных дисциплин о личности и обществе (социологии, психологии, педагогики, филологии, этики, эстетики и т.д.). Используя отрывочные и неполные знания из различных сфер науки, она синтезирует их в наиболее общие и адекватные (целостные) представления;

4) в *использовании разных методов по принципу "взаимодополнительности"*. Например, метод социологического опроса, метод исторической реконструкции, герменевтический метод (о нём говорилось выше), системный метод, аксиологический подход и т.д.

В основе этой функции лежат два фундаментальных общеметодологических принципа: *материально-энергетически-информационного единства мира* (по

Р. Кёхеру [41, 57]) и *интегративного качества целостной системы* (по В. Г. Афанасьеву [3, 19]).

Социальная философия осуществляет интегративную функцию по отношению к социогуманитарным наукам, с одной стороны, непосредственно (через внедрение тех или иных философских категорий). С другой стороны, – опосредованно, через влияние на частные науки-интеграторы (к ним относятся: *переходные* (стыковые) науки, возникшие на стыке близко стоящих наук (физическая химия, биофизика, биохимия и др.); *синтезирующие* науки, объединяющие несколько далеко стоящих друг от друга наук (кибернетика, социальная экология и др.); *проблемные* науки, возникшие для решения конкретных междисциплинарных проблем (онкология, космонавтика и др.).

Кроме того, она осуществляет эту функцию по отношению к *культуре*, выступая как общекультурный интегратор разных сфер общественной жизни, способствуя преодолению классовой, национальной, расовой и государственной разобщенности.

Литература

1. Абульханова-Славская К. А. О путях построения типологии личности / К. А. Абульханова-Славская // Психол. журн. – 1983. – Т. 4. – № 1. – С. 14–29.
2. Анциферова Л. И. Психическое формирование и развитие личности / Л. И. Анциферова. – М. : Наука, 1981. – 159 с.
3. Афанасьев В. Г. Системность и общество / В. Г. Афанасьев. – М. : Политиздат, 1980. – 368 с.
4. Бахтин М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках : опыт философского анализа / М. М. Бахтин // Литературно-критические статьи. – М. : Худож. лит., 1986. – С. 473–500.
5. Блауберг И. В. Философский принцип системности и системный подход / И. В. Блауберг, В. Н. Садовский, Э. Г. Юдин // Вопр. философии. – 1978. – № 8. – С. 39–52.
6. Борзенков В. Г. На пути к единой науке о человеке / В. Г. Борзенков // Человек. – 2004. – № 3. – С. 66–78.
7. Гвишиани Д. М. Школа “социальных систем” и принципы системного подхода / Д. М. Гвишиани // Системные исследования : методологические проблемы : ежегодник 1998 / [под ред. Д. М. Гвишиани, В. Н. Садовского и др.]. – М. : Эдиториал УРСС, 2000. – Ч. 2. – С. 7–22.
8. Ильин В. В. Природа науки : гносеологический анализ : [монография] / В. В. Ильин, А. Т. Калинкин. – М. : Высш. шк., 1985. – 230 с.
9. Ильин В. В. Теория познания : эпистемология / В. В. Ильин. – М. : Акад. проект, 1994. – 134 с.
10. Казначеев В. П. Космопланетарный феномен человека : проблемы комплексного изучения / В. П. Казначеев, Е. А. Спирин. – Новосибирск : Наука, 1991. – 304 с.
11. Каримский А. М. Социальный биологизм : природа и идеологическая направленность / А. М. Каримский. – М. : Мысль, 1984. – 288 с.
12. Карпинская Р. С. Социобиология : критический анализ / Р. С. Карпинская, С. А. Никольский. – М. : Мысль, 1988. – 303 с.
13. Кемеров В. Е. Меняющаяся роль социальной философии и антиредукционистские стратегии / В. Е. Кемеров // Вопр. философии. – 2006. – № 2. – С. 61–78.
14. Коршунов А. М. Диалектика социального познания / А. М. Коршунов, В. В. Мантатов. – М. : Политиздат, 1998. – 383 с.
15. Кохановский В. П. Философия и методология науки / В. П. Кохановский. – Ростов н/Д : Феникс, 1999. – 576 с.

16. Кучерук А. С. Социально-философские проблемы науки / А. С. Кучерук // Вестн. РФО. – 2009. – № 2. – С. 147–149.
17. Леви-Стросс К. Структурная антропология / К. Леви-Стросс. – М. : Наука, 1983. – 536 с.
18. Лекторский В. А. Возможна ли интеграция естественных наук и наук о человеке / В. А. Лекторский // Вопр. философии. – 2004. – № 3. – С. 44–49.
19. Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии / Б. Ф. Ломов, Н. Д. Завалова. – М. : Наука, 1984. – 445 с.
20. Лоренц К. Оборотная сторона зеркала / К. Лоренц ; [пер. с нем.]. – М. : Республика, 1998. – 393 с.
21. Мерлин В. С. Структура личности : характер, способности, самосознание / В. С. Мерлин. – Пермь : ПГПИ, 1990. – 110 с.
22. Момджян К. Х. Введение в социальную философию / К. Х. Момджян. – М. : Высш. шк. ; КД Университет, 1997. – 448 с.
23. Нугаев Р. М. Проблема роста социогуманитарного знания / Р. М. Нугаев // Вопр. философии. – 2007. – № 8. – С. 58–69.
24. Порус В. Н. Является ли наука самоорганизующейся системой / В. Н. Порус // Вопр. философии. – 2006. – № 3. – С. 95–108.
25. Пригожин И. Порядок из хаоса : новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс. – 3-е изд. – М. : Эдиториал, 2001. – 310 с.
26. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – СПб. : Питер, 2000. – 712 с.
27. Савкин Н. С. Социальное познание / Н. С. Савкин. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2002. – 64 с.
28. Савкин Н. С. Социальная философия / Н. С. Савкин. – 3-е изд., испр. и доп. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2007. – 256 с.
29. Стёпин В. С. Генезис социально-гуманитарных наук (философский и методологический аспект) / В. С. Стёпин // Вопр. философии. – 2004. – № 3. – С. 37–43.
30. Уёмов А. И. К проблеме построения измерительной шкалы для определения степени целостности систем / А. И. Уемов, Г. В. Штаксер // Системные исследования : методологические проблемы : ежегодник 2002 / [под ред. Д. М. Гвишиани, В. Н. Садовского и др.]. – М. : Эдиториал УРСС, 2004. – С. 7–33.
31. Федотова В. Г. Коммуникация в науке и за её пределами / В. Г. Федотова // Обществ. науки и современность. – 2004. – № 5. – С. 75–82.
32. Федотова В. Г. Социальное конструирование приемлемого для жизни общества : к вопросу о методологии / В. Г. Федотова // Вопр. философии. – 2003. – № 11. – С. 4–9.
33. Франк С. Л. Личность и вещь : философское обоснование витализма / С. Л. Франк // Философия и жизнь : этюды и наброски по философии культуры. – Петроград : Тип. Р. Г. Шредера, 1910. – С. 185–221.
34. Фролов И. Т. О человеке и гуманизме : работы разных лет / И. Т. Фролов. – М. : Политиздат, 1989. – 559 с.
35. Ядов В. А. Социологическое исследование : методология, программа, методы / В. А. Ядов. – М. : Наука, 1987. – 248 с.
36. Якобсон Р. Избранные работы / Р. Якобсон. – М. : Прогресс, 1985. – 456 с.
37. Bertalanffy L. von. General Systems Theory : Foundations, Development, Applications / L. von. Bertalanffy. – L. : Allen Lane The Penguin Press, 1971. – XXII – 311 p.
38. Churchman C. M. The systems approach / C. M. Churchman. – N-Y. : A Delta Book, 1969. – 243 p.
39. Klir G. An approach to general systems theory / G. Klir. – N-Y. : Van Nostrand Reinhold Comp., 1969. – XII. – 323 p.
40. Klir G. The polyphonic general systems theory / G. Klir // Trends in general systems theory / [ed. G.Y. Klir]. – N-Y., 1972. – P. 1–18.
41. Köcher R. Einführung in die Informations-Energetik : offenbarung des göttlichen und weltlichen Seins / R. Köcher. – Marktoberdorf : Argo-Verlag, 2002. – 219 s.

42. Merton R. K. The sociology of science : theoretical and empirical investigations / R. K. Merton. – Chicago : Wiley, 1973. – 605 p.
43. Newman S. A note on complex systems / S. Newman // J. Theor. Biol. – 1970. – Vol. 28. – № 5. – P. 411–413.
44. Rogers C. R. Towards a more human science of the person / C. R. Rogers // J. of Humanistic Psychology. – 1985. – Vol. 26 (3). – P. 7–24.
45. Rosenberg A. The Structure of Biological Science / A. Rosenberg. – N-Y. : Cambridge Univ. Press, 1986. – 280 p.
46. Sattler R. Biophilosophy : analytic and holistic perspectives / R. Sattler. – B. : Springer-Verlag, 1986. – 281 p.
47. Wilson E. O. Sociobiology : the new synthesis / E. O. Wilson. – Cambridge : Belknap Press, 1975. – 697 p.

УДК 821.163.2:372.8

Божинова К. Г.,
докторант,
Пловдивский университет “Паисий Хилендарский”
(Болгария)

СЪЧИНЕНИЕ ПО АНАЛОГИЯ – СЪЗДАВАНЕ НА ПРИКАЗКИ В ПЕТИ КЛАС

Създаването на приказка са сред най-творческите варианти на съчинението по аналогия.

В учебника по литература за пети клас, издателство “Булвест 2000” / Мария Герджикова, Олга Попова и Стоймира Георгиева [1], София, 2006 г., в раздела “Да можем добре да говорим и пишем” са дадени особеностите на трите основни типа текст: съчинението описание, повествование и разсъждение. Към повествователния текст се дават интересни и функционални задачи за съчинение по аналогия – продължение на приказка, подредба на разместени епизоди, откриване на приказните поуки, съчиняване на нова случка с нов участник или променено място на действие.

Представени са три начина за създаване на приказка.

Първият насочва учениците към следване на **определен модел** (по Владимир Проп – “Морфология на приказката” [2]). За да се съчини приказка, подобна на фолклорните, е необходимо да се познават особеностите им – постройката на този жанр и ролите на героите. За тази цел в сферата на актуализацията се отговаря на следните примерни въпроси:

– Как започват тези приказки? Какво произшествие нарушава реда в живота на персонажите? /Как ще озаглавите вашата приказка? Каква беда ще сполети вашите герои?/,

– Кои са героите във вълшебните приказки? Какви роли изпълняват? /Кой ще бъде герой на вашата приказка – момче или момиче? Кой ще бъде вредител? Кой – помощник? Какво вълшебно средство ще подари помощникът на героя?,

– Коя е причината героите да напуснат дома си и да тръгнат на път? /Защо вашите герои ще тръгнат на път?,